

Когда настало время слушать и говорить

Дин Вэньхуа

Вэньхуа задержался часа на полтора, потому что не успевал оформить все документы, скопившиеся за день. А на следующий день нужно было отсидеть прием за себя и за Ли, провести одну, но долгую операцию, и найти время, чтобы разобраться с результатами обследования сложного пациента с астроцитомой, чтобы понять, с какой стороны подступиться к этой опухоли.

По дороге домой Вэньхуа позвонил Пэну. Тот уже уехал от Цао, перепоручив её паре подружек, которые обещали бдить и чуть что звонить. Она проревела полдня и у неё было низкое давление, но в остальном обошлось. Неврологические симптомы, которых боялись и Пэн, и Вэньхуа, понимая, что именно они не дадут Цао работать по специальности, так и не появились. Теперь был хороший шанс, что и не появятся.

У дома Вэньхуа оказался, когда уже темнело. Он чувствовал себя уставшим и разбитым, но понимал, что вряд ли сможет быстро лечь отдыхать, потому что у Сяоими резались зубы, а Мэйлин уже свою часть вечера отсидела с дочерью и тоже имела право на отдых. Вэньхуа поднялся на лифте и открыл дверь квартиры своим ключом. Он зашел тихо, потому что не знал, не уснул ли ребенок. Разулся, повесил куртку на вешалку и пошел в гостиную в поисках Мэйлин.

Мэйлин Юн

Мэйлин за эти дни почти удалось убедить себя, что эти слухи - пустое и не заслуживают ее внимания. Она провела несколько сложных успешных операций, сдала Тана под руководство Чжи дайфу, потому что тот сам попросил интерна у Ланя дайфу, и заведованием не нашелся, что возразить. Мэйлин вообще заметила, что с мужчинами он старается по возможности не спорить, зато на ней отыгрывался по полной. Но это были мелочи, она уже научилась с ним бороться, не опускаясь на его уровень. Мэйлин почти поверила, что жизнь опять налаживается, когда сегодня новые администраторы, только начавшие работать и еще не разобравшиеся в их сложной иерархии отношений, припечатали ее новостью, что Дин Вэньхуа ездил домой к своей ученице, "это та, которая беременна от него?"

Она не помнила, как доработала смену и вернулась домой. Весь ее так тщательно выстроенный за эти дни душевный покой рухнул, как картонный домик под напором легкого ветерка. Хотела было разреветься, но Сяоими раскапризничалась в очередной раз, и вместо того, чтобы успокаивать саму себя, Мэйлин пришлось укачивать дочь.

Вэньхуа задерживался, и Мэйлин весь вечер провела с ребенком на руках, чувствуя наступающее на нее отчаяние, черное и неотвратимое, как вода, смыкающаяся над утопленником. Она уже не сомневалась в том, что и ее личные догадки, и многочисленные слухи оказались такой неудобной и болезненной правдой. И Мэйлин не знала, как на нее реагировать. Пока она была больше растеряна, чем

зла. Ровно до того момента, пока не услышала звук поворачивающегося ключа в двери. Она не пошла навстречу Вэньхуа, оставшись в спальне, где пыталась уложить дочь.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа помыл руки, затем нашел Мэйлин в спальне, где та укачивала Сяомими. Сейчас дочка молчала и начала засыпать. У неё иногда поднималась температура из-за зубов, которые причиняли много беспокойства. Даже няня после рабочего дня выглядела уставшей, хотя всегда говорила, что один ребенок - это отдых на фоне отделения неонатологии.

- Привет, - тихо сказал Вэньхуа. - Хочешь, я с ней посижу?

Мэйлин могла даже не успеть поужинать после смены, если Сяомими все это время капризничала и отказывалась спать. Вэньхуа показалось, что Мэйлин выглядит расстроенной или уставшей. Она нервничала, когда не высыпалась ночами, и в этом не было ничего странного. Где-то в более совершенном мире существуют дети, которые спят всю ночь. Сяомими так спать не собиралась, ей всегда было о чем поорать ночами, тем более на фоне зубов.

Эти сложности были временными, они пройдут уже через полгода, но пока на фоне нервотрепки на работе бессонные ночи были неприятным испытанием и для Мэйлин. и для Вэньхуа, который тоже вставал к ребенку, чтобы дать жене отдохнуть перед очередной сменой в клинике, где силы нужны не только на саму работу, но и на войну с Ланем дайфу.

Мэйлин Юн

Мэйлин поддалась ребяческому чувству обиды и не ответила, только невыразительно качнула головой, давая понять, что ей не нужна помощь. Вэньхуа выглядел уставшим и каким-то взъерошенным. Но без следов помады на рубашке или шее - автоматически отметила Мэйлин и поморщилась в ответ на свои мысли. Ну вот, она уже начинает искать на нем следы, оставленные другой женщиной. Осталось для полноты картины только учуять запах чужих духов.

Вместо того, чтобы сейчас проявлять твердость и что-то решать, Мэйлин хотелось куда-нибудь уйти, чтобы оно все решилось само без ее участия. Отношения - всегда сложно, даже если вы уже два года женаты, а три - вместе. Проще от этого не становится. И все-таки нужно было что-то решать, прямо сейчас.

- Вэньхуа, долго это будет продолжаться? - спросила Мэйлин, укладывая дочь в кроватку и надеясь, что она не проснется через пять секунд. Говорят, маленьким детям нужно спать не менее восьми часов днем, только маленькие дети, походу не в курсе, потому что не читают ни интернет, ни тем более учебники педиатров. Мэйлин повернулась к Вэньхуа и прямо спросила: - Вы с ней спите?

Она говорила без обвинения и недовольства в голосе, скорее устало и с каким-то смирением, таким тоном обычно говорят, когда все уже для себя выяснили и решили, осталось только получить подтверждение. К тому же ей не хотелось сразу повышать голос над кроватью дочери.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа не сразу понял, о чем спросила Мэйлин, но вопрос в лоб его ошарашил. До него доходили слухи о его якобы романе с Цао, но он не думал, что Мэйлин в них поверит. А она поверила, это было слышно по тому тону, которым был задан вопрос. И первым, что почувствовал в этот момент Вэньхуа, была щемящая обида, потому что никаких объективных причин для этого обвинения не было. Мэйлин просто поверила в то, что эти сплетни могли оказаться правдой.

- Нет, не спим, - ответил Вэньхуа, прямо глядя на Мэйлин. - Ты действительно веришь в то, что я тебе изменяю?

Он говорил негромко, чтобы не разбудить Сяомими, но в его голосе была слышна твердая уверенность. Этот разговор казался иррациональным бредом, но происходил он в реальности, и от этого становилось жутко. На фоне прошедшего дня Вэньхуа хотел развернуться и выйти из спальни, больше ничего не объясняя, потому что и так было тошно, но он заставил себя остаться и продолжить разговор, проглотив эту обиду. Если человеку десять раз сказать, что черное - это белое, он засомневается в том, что видят его глаза. И это могло объяснить вопрос Мэйлин, которая могла услышать домыслы об их отношениях с Цао не десять, а все сто раз. И ему просто нужно было сдвинуть собственное "я", беснующееся от обиды, из центра мироздания, чтобы выслушать и понять, что чувствовала Мэйлин. И почему она в нем усомнилась.

Мэйлин Юн

Сложно сказать наверняка, какого ответа Мэйлин ждала больше - положительного, тогда бы все стало окончательно ясно, или все-таки отрицательного, который в итоге и прозвучал. Вэньхуа сказал это так, как говорят люди, уверенные в своей правоте, и Мэйлин немедленно почувствовала укол совестливой вины, что посмела усомниться в муже. Но она должна была выяснить все до конца, раз спросила. Не может же столько людей одновременно ошибаться? Или могут?

- Я не хочу в это верить, - призналась Мэйлин. - Но когда я каждый день слышу об этом от медсестер на посту, которые замолкают сразу, как меня увидят, от собственных интернов, которые меня жалеют, от администраторов этажей, которые рассказывают мне, как ты едешь к ней в общежитие, я начинаю думать, что не замечаю очевидного.

Она не знала даже, что конкретно хочет от него услышать. Так бывает, когда оказываешься совершенно не готов к ситуации, в которую тебя запикивают внезапно и против твоей воли. Если бы он прямо признался, что изменяет - она бы, наверное, даже смогла с этим смириться. В конце концов, с ней так было всегда - в итоге предпочитают кого-то другого. Если же он на самом деле не изменяет...тогда она только своим вопросом подорвала между ними доверие. Можно ли после такого еще что-то починить? Почему-то казалось, что уже нет.

- Ты постоянно задерживаешься на работе, она вечно таскается рядом с тобой, и эти поездки к ней. А теперь вся клиника гудит о том, что она беременна. Что еще я должна думать? Что ты помогаешь ей с дипломом?

Дин Вэньхуа

Проблемы Цао носили такой характер, что об их причинах приходилось молчать. А в итоге появлялись альтернативные версии, которые пересказывались медсестрами и в итоге дошли до Мэйлин. Цао месяц страдала из-за химиопрофилактики, а теперь он не мог рассказать даже ближайшим коллегам о том, что было в общегитии. Доля истины в словах Мэйлин о том, что слухи были больно правдивыми, несомненно, была.

- Пойдем, расскажу, что происходит на самом деле, - предложил Вэньхуа.

Он не хотел говорить в спальне, чтобы не разбудить ребенка, пока Сяомими успокоилась и заснула. Разговор мог оказаться долгим.

- Кстати, сегодня я был у неё первый и единственный раз, - добавил он. - Откачивал после того, как она попыталась отравиться снотворным.

За то недолгое время, что он нянчился с Цао, он успел сотню раз пожалеть о том, что во все это влез. Она была человеком-катастрофой, умудрявшейся влипнуть во все возможные и невозможные неприятности. И Вэньхуа даже подумал, что правдивый рассказ о том, что происходило с Цао в течение последнего месяца, мог показаться подборкой самых невероятных баек, какие выдумывают неверные мужья, чтобы оправдаться перед женами. С той разницей, что в этом случае все было чистой правдой.

Мэйлин Юн

Мэйлин колебалась несколько мгновений. Она понимала, что спальня и близость детской кровати со спящим в ней ребенком - не лучшая обстановка для выяснения отношений, но с другой стороны, она опасалась, что пока они идут, например, до кухни, он успеет решить, что ей лучше ничего не знать. Она одновременно и хотела верить Вэньхуа, чтобы все было так, как раньше, а с другой - и отчаянно боялась поверить в его слова, его полностью оправдывающие, а потом узнать, что все это было действительно правдой, и он просто умело задавил ее логикой, которой ей не нашлось что противопоставить.

Мэйлин запуталась. Она была готова к чему угодно, кроме того, что придется решать вопрос верности. И веры. Она взглянула на левую руку, на предплечье которой с внутренней стороны уже был намечен контур будущей татуировки со словом "faith", как будто это могло придать ей сил.

Она все-таки вышла из спальни, не закрывая дверь, чтобы услышать, если Сяомими проснется. Пока услышанное ею звучало так, как звучат плохие оправдания в американских комедиях. Цао каким-то чудом доучилась до интернатуры, значит, должна была быть как минимум стрессоустойчивой, и то, то она вдруг вздумала глотать таблетки звучало чем-то вроде очень плохой шутки. Мэйлин казалось, что врачи, даже будущие врачи, так не поступают. Потому что должна была догадаться, как человек, некогда сдавший фармакологию, что вероятность летального исхода в случае таблеток не всегда бывает гарантированной.

Мэйлин села за кухонный стол, чувствуя себя очень уставшей, разбитой и растерянной. Где бы взять сил, чтобы все это перенести.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа сел за стол напротив Мэйлин. Он надеялся, что она поверит в его слова, потому что каким бы абсурдом ни было происходящее, он мог противопоставить только свои слова словам тех, кто распускал сплетни по клинике. И был в явном меньшинстве.

- Месяц назад Цао укололась иглой, когда накладывала шов ВИЧ-положительному пациенту, - сказал Вэньхуа. - Ей назначили химиопрофилактику, которую она перенесла очень плохо. Она еле держалась на ногах, и её от всего тошнило. Первый анализ был испорчен, но Цао решила, что ей не хотят озвучивать положительный результат. А сегодня утром Чжан прислал ей найденное где-то видео, где она еще в школе раздевается перед камерой. Она решила, что барбитураты - отличный выход, но ей снова не повезло: её вырвало, и попытка сорвалась. Мы с Пэном успели её откатать до того, как появились явные неврологические нарушения. Может быть, она еще сможет работать по специальности.

Звучало не так стройно и не так правдоподобно, как версия о том, что Вэньхуа завел любовницу в лице Цао, и он мог рассчитывать только на то, что его слова и прежние обещания для Мэйлин что-то значили. Он обещал, что никогда её не предаст. Он считал, что верность и порядочность в отношениях - это способность разумного человека контролировать свою жизнь, не оправдывая распушенность якобы слишком сильными инстинктами. Поэтому он никогда не сомневался, что в его жизни вдруг появится какая-то внезапная новая любовь, которая разрушит его отношения с Мэйлин, и верил в те обещания, которые ей давал.

Мэйлин Юн

Звучало как сюжет какого-то фантастического фильма, в реальность которого мало верилось. По их клинике можно дорамы снимать, причем по количеству серий явно переплюнет всех Героев Кондора вместе взятых. Мэйлин выслушала Вэньхуа и помолчала, пытаясь понять, насколько описанное вписывается в ее картину мира, насколько она готова принять такое объяснение. Звучало, действительно, не очень складно.

- Ты пустил ее к ВИЧ-положительному пациенту? - только и нашлась, что спросить Мэйлин. Эта глупость вообще не вязалась у нее с образом Вэньхуа, всегда таким ответственным и собранным, очень внимательным и осторожным. Это было на него совершенно не похоже, он всегда предпочитал рисковать собой, если случалась такая ситуация, где нужно было выбирать между ним и кем-то еще.

- И почему вы не вызвали скорую? - это было бы логичнее. И правильнее. Вэньхуа говорил, что не хочет брать на себя ответственность за кого бы то ни было, но сейчас в его словах и в его действиях было такое расхождение, что шире могла быть только пропасть.

Месяц назад...А он рассказывает ей об этом только сейчас, когда она вынудила его все это рассказать. А как же вопрос доверия, о котором они так много всегда

говорили?

Дин Вэньхуа

- Это был осмотр во время госпитализации, а не операция, - ответил Вэньхуа. - У него было рассечение брови, на которое просто нужно было наложить шов. Если бы она не бросила шприц без колпачка на поднос, ничего бы не было. Но ты права, виноват здесь в любом случае я.

Даже если бы Цао укололась иглой, накладывая этот шов, риск был бы настолько незначительным, что терапию ей бы не назначили. Обошлось бы мытьем рук, спиртом и йодом. Но инъекционная игла с полостью внутри уже создавала более серьезную опасность. Вэньхуа понимал, что все равно сам был виноват в этой ситуации, потому что как наставник отвечал за любые ошибки Цао. И ему грозили серьезные неприятности в случае, если она все-таки умудрилась заразиться, что тоже не добавляло ему спокойствия в ситуации с ученицей.

Второй вопрос Мэйлин был еще сложнее. Потому что Вэньхуа подставлялся сам и подставлял Пэна, выгораживая Цао. Он считал, что должен ей помочь. Возможно из-за подспудного чувства вины, потому что изначально считал причиной поступка девушки вчерашний результат теста.

- Ты же понимаешь, что после скорой она бы оказалась на учете и вылетела из магистратуры, - сказал Вэньхуа.

Мэйлин Юн

- И меня это должно волновать? - резко ответила Мэйлин. - Если она настолько глупа, что глотает таблетки, пытаюсь сбежать от проблем и покончить с собой, то, может, лучше ей вообще не соваться в медицину?

Мэйлин злилась на Цао, что она подставила Вэньхуа под такой удар - они только начали оправляться после возвращения из госпиталя и смерти Сяофэна, как она делает красивый театральный жест, показывая всему миру, как ей плохо, что глотает барбитураты. Мэйлин злилась и на Вэньхуа, что он рисковал своей карьерой и их семьей ради того, чтобы сохранить одной глупой девочке место в магистратуре, не имея никаких гарантий, что у нее не будет неврологических нарушений, позволивших ей продолжать практику.

Она с самого начала подозревала, что идея брать интерна - плохая, очень плохая, но она не могла тогда осуждать Вэньхуа. Он поступил так, как считал правильным, но тогда этот поступок ему ничего не стоит. Он не рисковал ничем, беря ее в ученицы. А здесь он поставил на кон буквально все, что было. И больше всего было понимать, что слухи-то, в общем, оказались не так далеки от истины. Пусть они не спали, но эта девочка значила для Вэньхуа явно больше, чем простой интерн.

- А о нас ты подумал? О Сяомими? Если бы вы ее не откачали, что бы я рассказывала нашей дочери, где папа? А папы нет, потому что он... - идиот? Нет, надо сказать как-то по-другому, но чтобы смысл был примерно тот же, хотя это слово напрашивалось сюда буквально само. Но Мэйлин так и не смогла придумать, чем ей заменить просившееся на язык слово.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа злился. Потому что Мэйлин была права, а он не хотел оправдываться, не зная, что можно ответить. Пэн ему высказывал все то же самое, а Вэньхуа не был уверен в том, что сегодняшнее решение было правильным. Наоборот, он прекрасно знал, что сильно рисковал, и ему просто повезло.

- Договаривай, что ты хотела сказать? - спросил Вэньхуа, прямо глядя на Мэйлин. - Я злюсь, потому что не знаю, что тебе ответить. Я не уверен, что поступил правильно. С самого начала, как согласился за неё вступить. И тем более сегодня. Но очень не хотел похоронить еще одного ученика.

А дальше замолчать, потому что хотелось нападать в ответ. Что ему сейчас не хватало только послушать сцену ревности и пооправдываться в том, чего не было. Как ему обидно недоверие Мэйлин, и почему она продолжает нападать после того, как он рассказал ей обо всех причинах, вызвавших слухи. Что Мэйлин как будто просто хотела обвинить его во все смертных грехах этим вечером, а в чем уже не важно. То ли в измене, то ли в том, что подпустил Цао к ВИЧ-положительному пациенту, то ли в том, что прикрыл её сегодня. То ли найти противоречия в его словах, чтобы решить, что он врёт.

Молчать и не огрызаться было сложно, но это завело бы их разговор, а то и вовсе их отношения в тупик. И Вэньхуа заставлял себя сдержаться и услышать Мэйлин, понимая, что причина его сегодняшней нервозности вовсе не только в её обвинениях. И она имела все основания злиться на него за сегодняшнюю выходку безотносительно сплетен о его мнимом романе с Цао.

Мэйлин Юн

- Что ее папа эгоист и идиот, - буркнула Мэйлин, хотя на самом деле не хотела так говорить. Она же промолчала, не став договаривать, и у Вэньхуа была возможность так и не узнать, что она о нем на самом деле думает. Но раз спросил, она ответила честно, потому что не умела врать.

Она уже поняла, что не было там никакого романа, даже если бы она себя в этом старательно убеждала. Что все случившееся - это недопонимание между ними и умалчивание их проблем. Вместо того, чтобы проговаривать их ртом, они просто носят все внутри и надеются, что оно само как-нибудь рассосется и не придется выносить эту наружу. Так ведь намного проще, чем обсуждать и искать какой-то выход. И Мэйлин уже даже на саму себя злилась, что позволила кривотолкам заставить ее усомниться в Вэньхуа. Пожалуй, она была не меньшей душой, чем эта Цао.

- А знаешь, почему я теперь злюсь? - в ответ сказала Мэйлин. - Все эти разговоры о доверии - это полная чушь, Вэньхуа. Тебе не кажется, что у меня было бы меньше поводов сейчас злиться, если бы ты сразу рассказал мне о Цао и ее химиопрофилактике? Тогда бы мне не пришлось строить догадки, кто прав - ты или толпа. Но ты хочешь от меня доверия, при этом не доверяя мне.

Ему было обидно, а ей не было обидно? Было, конечно, и не просто обидно, ей

было неприятно, что какая-то девица настолько оказалась важнее их семьи, что Вэньхуа, не задумываясь, поставил их всех под удар. Она знала, что для Вэньхуа смерть Фэна была тяжелым испытанием, но с момента их возвращения они только и делали, что разгребали его проблемы. Если ей не снятся кошмары, это вовсе не значит, что ей проще.

Дин Вэньхуа

- Я не рассказывал тебе не потому, что не доверяю, - ответил Вэньхуа. - Просто не хотел грузить еще и этими проблемами. Но если тебя задевали слухи, ты могла меня спросить раньше, а не обвинять черти в чем.

Он не рассказывал Мэйлин и о том, что Чжан узнал о психотерапии и жаловался об этом Таю, тоже вовсе не из-за недоверия. И Вэньхуа был уверен, что она ему многое не рассказывала. Например, о своих конфликтах с Ланем. Она только недавно стала снова оперировать, несмотря на то, что давно вернулась к работе после возвращения.

- Мне кажется, что ты на меня обижена, и слухи про нас с Цао просто повод. В чем дело, Мэйлин? В чем я перед тобой виноват? - спросил Вэньхуа.

Сейчас он хотел услышать и понять Мэйлин. они стали говорить намного меньше, чем прежде, а в итоге между ними появлялась пропасть, преодолевать которую становилось сложнее. Им обоим было тяжело, они оба прошли через тяжелые испытания во время командировки. Теперь у Мэйлин был Лань, у Вэньхуа - Чжан. У неё были слухи про него с Цао, у него - сама Цао с её проблемами. А дома была Сяомими, которой требовалось много внимания и заботы. И у которой резались зубы. Худшее, что можно было сделать в этой ситуации - разругаться друг с другом, умножив этим число проблем вдвое. А чтобы этого не допустить, нужно было сдерживаться и слушать. Вэньхуа чувствовал, что злость отступила, он смог её преодолеть, хоть Мэйлин и сказала, что он - эгоистичный идиот.

Мэйлин Юн

- А, то есть теперь я виновата в том, что не спросила тебя раньше, - мгновенно завелась Мэйлин. - Интересно, как ты себе это представляешь - Вэньхуа, я тут пару раз услышала, что у вас с Цао роман, и даже не знаю, что теперь думать, это правда или нет? Такую формулировку ты бы счел нормальной?

Ей мнилось, что они говорят совершенно о разном, она ему про одно, он ей про другое, и поэтому они долбятся в стену, не понимая друг друга. Но Мэйлин и правда не знала, как еще объяснить Вэньхуа, что именно ее так бесит. А теперь он еще и попытался перевести на нее стрелки, сделав ее виноватой в том, что она недостаточно интересовалась его жизнью. "Нас с Цао" с такой силой резануло по ушам, что Мэйлин даже на мгновение показалось, что она его сейчас убьет прямо на месте и голыми руками. А потом на место этой злости пришли слезы, настолько неожиданно, что Мэйлин не поняла, как это произошло.

- Да что ты, разве ты можешь быть в чем-то виноват? - уже не сдерживая слез, которые никак не желали останавливаться, ответила Мэйлин. Она вскочила с места и, тщетно пытаясь вытереть лицо, ушла к окну, чтобы не показывать Вэньхуа свою

слабость. - У "вас с Цао" все в порядке, а я - просто истеричная дура, которой только бы найти повод прицепиться.

Мэйлин замечала за собой, что очень ревнива, что, вероятно, шло все от того же комплекса неполноценности, который только усилился после рождения ребенка. Когда она не могла полноценно заниматься тем, чем любила, и была вынуждена подстраивать свою жизнь под нужды дочери, когда собственное тело казалось уродливым и гадким, а любой вопль Сяомими вызывал такую ярость, что Мэйлин была готова на все, лишь бы она замолчала, а теперь еще появилось и "они с Цао", она никогда не чувствовала себя настолько одинокой, как сейчас.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа потерял логику в обвинениях Мэйлин, ему показалось, что как раз этот вопрос они обсудили и все решили, но вместо этого снова нарвался на обвинения.

- Формулировка "вы с ней спите?" была просто отличной, - огрызнулся Вэньхуа.

Он снова злился, но еще сильнее боялся, куда могли пойти эти разборки. Он чувствовал, что сейчас рисковал просто потерять Мэйлин, если они не найдут возможности договориться. Он трижды сказал только за тот вечер, в чем был не прав. А она его не слышала. Злилась и ревновала, поэтому простая фраза так её зацепила, что она расплакалась и попыталась спрятать эти слезы. Вэньхуа тоже встал из-за стола и подошел к окну. Встал рядом с Мэйлин, но не глядя на неё, и не стал её касаться, боясь, что этим только её разозлит.

- Прости, - сказал он, глядя на то, как за окном снова повалил снег. - Сейчас я больше всего боюсь тебя потерять и совершенно не знаю, что сделать, чтобы этого не произошло.

В горле першило от горечи, а глаза начали блестеть, и Вэньхуа, не моргая, смотрел в окно куда-то сквозь снег, скрывавший сейчас вечерний город. Для того, чтобы было очень страшно, вовсе не обязательно, чтобы рядом стреляли и кто-то умирал. Иногда достаточно говорить, не слышать и понимать, что не слышат тебя.

Мэйлин Юн

Если бы он ее обнял, Мэйлин бы стряхнула его руки. Но он не обнял, и от этого тоже было плохо. Мэйлин не понимала, что с ней творится, и почему все, что бы он ни сделал или наоборот не сделал, было для нее не так. Почему изначально не поверившая слухам, она в итоге им все-таки поддалась. И если поначалу она хотела во всем разобраться, спокойно и без истерик, без взаимных обвинений, то сейчас пыталась справиться с истерикой.

- Лучше бы мы никогда не встречались, - безуспешно пытаюсь успокоиться и еще только сильнее начиная рыдать и совершенно не контролируя этот поток слез, сдавленно сказала Мэйлин. Она старалась вытереть лицо от слез, но они только сильнее текли, даже капая на ее домашнюю футболку. - Тогда бы ничего этого не было, не было бы этого ребенка, и не было бы так больно.

Именно этот момент Сяомими выбрала для того, чтобы проснуться и заорать.

Мэйлин ощутила, как ее накрывает очередной волной бессильного плача и злости уже на дочь, которая не желает спокойно и молча спать в своей кровати.

- Я больше так не могу, - она уткнулась лицом в ладони, словно это могло ей помочь не слышать этого выворачивающего визга. - Я не могу, не хочу к ней подходить, я ненавижу этот ор, ненавижу ее! - это осознание настолько ее напугало, что Мэйлин немедленно испытала приступ вины за свои эмоции, которым она уже не отдавала отчета. Она не должна была так думать и тем более говорить. Все оказалось слишком сложно.

Дин Вэньхуа

Несмотря на то, что Мэйлин говорила страшные вещи, Вэньхуа услышал совершенно другое - истинную причину того, что она обижалась, злилась, ревновала и не могла справиться со своими эмоциями. Она и раньше говорила, что не чувствует любви к Сяомими, а теперь на фоне усталости её накрывало, в том числе из-за чувства вины. А Вэньхуа не дал ей почувствовать при этом достаточную поддержку, чтобы она могла с собой справиться.

- Я сам её успокою, - сказал Вэньхуа.

Он отправился в спальню и достал из кровати Сяомими, которая надрывалась от плача. Наверняка снова беспокоили зубы - нижняя десна была красной и воспаленной, и даже на ощупь чувствовалось, что у ребенка есть небольшой жар. Вэньхуа обнял дочку и сел с ней на кровать. Сяомими продолжала плакать, но крепко вцепилась рукой в его рукав и почти не вырывалась. Он стал её укачивать, тихо напевая что-то себе под нос, чтобы ребенок быстрее успокоился. Сяомими была похожа на Мэйлин, и чем старше она становилась, тем более явным было это сходство. Вэньхуа любил дочь, и ему было тяжело понимать, что Мэйлин жалела о том, что сохранила беременность. И это могло быть затянувшейся послеродовой депрессией, на которую он вовремя не обратил внимания. А он не мог сейчас разорваться, чтобы выслушать её, плачущую на кухне, и укачать Сяомими.

Мэйлин Юн

Никакие бы силы сейчас не сдвинули Мэйлин с места по направлению к спальне. И если бы Вэньхуа не было дома, она бы, чего доброго, вышла бы вместе с ребенком в окно. Мэйлин оперлась ладонями о подоконник, сгорбилась и позволила себе плакать, надеясь, что скоро слезы иссякнут и она сможет успокоиться. Непрекращающееся нытье из комнаты неимоверно раздражало, Мэйлин поймала себя на мысли, что ей ужасно хочется пойти и сделать кому-нибудь больно, также больно, насколько сейчас больно ей. Эти мысли пугали ее, они были чужими, не ее, как будто внутри был кто-то, кто заставлял ее так думать. И от этого становилось только еще хуже. Слезы продолжали все течь и течь, капали на подоконник, где собралась уже целая лужа. Наверное, это никогда не кончится.

Если она сейчас уйдет из дома, будет ли это нормальным, если она знает, что ее собственная дочь мучается от боли, а она даже не может пойти и успокоить ее? Разве так поступают нормальные матери, когда их дети плачут? Разве она не должна срываться с места к кровати, едва заслышав оттуда первый писк, который еще даже не перешел в плач, а всего будучи его предвестником? Больше всего на

свете Мэйлин хотелось закрыть глаза и очутиться где-нибудь, где не будет вообще никого, кроме нее. И желательно там, где у нее не будет никакого ребенка.

Мэйлин уселась на пол, прижавшись спиной к теплой решетке радиатора, прислонилась головой к его краю и закрыла глаза, потому что так слезы текли меньше. Если можно было чувствовать себя разбитой вдребезги, то это было именно то чувство. Не очень-то приятно осознавать, что сама сломала себе жизнь.

Дин Вэньхуа

Сяомими еще какое-то время пищала, но затем снова стала засыпать - устала, и как боль утихла, снова отключилась. Вэньхуа еще немного подержал её на руках, затем аккуратно положил в кроватку и накрыл тонкой пеленкой. Дочка чуть заворочалась, затем поднесла руку к лицу и затихла. Он вышел из спальни, прикрыв дверь, но не закрывая её полностью, чтобы услышать, если Сяомими раскричится снова, и поспешил на кухню, где оставалась Мэйлин. Она сидела на полу и продолжала плакать. Вэньхуа задвинул ближе к столу мешавший стул и сел на пол напротив девушки.

- Мы тебя достали, - сказал Вэньхуа после непродолжительного молчания. - Я вижу два варианта. Либо теперь твоя очередь ходить к Мину дайфу, либо тебе нужно просто от нас отдохнуть. Поехать на обучение, например.

Она давно хотела обучиться эндоваскулярной хирургии, и можно было поехать в Европу или США на месяц-другой, чтобы пройти специализированный интенсивный курс. Вэньхуа понимал, что ему будет сложнее с Сяомими в это время, но так у Мэйлин будет возможность отвлечься от мыслей о том, что она осталась за бортом после рождения ребенка. Она устала. Ей нужно было отвлечься от ежедневных ночных пробуждений и памперсов, которые никуда не делись после её выхода на работу.

- Если ты знаешь какой-то другой способ тебя поддержать - скажи, - попросил Вэньхуа.

Мэйлин Юн

Мэйлин немного удалось успокоиться, но она все еще продолжала всхлипывать, просто уже не так интенсивно. Она никогда бы не подумала, что в ней может быть столько слез, которые никак не желали заканчиваться. Может быть, она и правда все очень долго держала в себе, и теперь все это пытается выбраться наружу? Сколько человек может вынести, прежде чем достигнет своего предела прочности? Вэньхуа вернулся, Мэйлин поняла это по звуку задвигаемого стула. Но она все не открывала глаз, опасаясь, что при его виде, особенно если заметит осуждение в его взгляде за свои грубые и некрасивые слова, снова разревется с прежней силой.

Она не сразу ответила, и долго молчала, обдумывая предложение Вэньхуа. Мэйлин казалось, что послеродовая депрессия, проявления которой она замечала у себя в самом начале, уже давно прошла. Она просто устала, и на фоне этой усталости слишком близко к сердцу восприняла эти слухи. Она бесила саму себя и сама же себя достала этими мыслями об возможной измене Вэньхуа. И стоило только об этом подумать, как на глаза снова наворачивались слезы, совершенно против ее

воли.

- Я не хочу ходить к Мину дайфу, - насупившись, наконец ответила Мэйлин, упрямо глядя в сторону. - Мне стыдно рассказывать кому-то о том, что я не люблю свою дочь. Это неправильно, так не должно быть.

Эта вина мучила ее больше, чем все остальное. Можно было смириться с усталостью, с бессонными ночами, даже с постоянными воплями, что Мэйхуа постоянно сидит на руках и ее нужно укачивать, но она не могла справиться с бесконечной виной за свои чувства. Она не любила дочь, и уже не надеялась когда-нибудь почувствовать что-то иное.

Дин Вэньхуа

- Твоим пациентам не стыдно попадать к тебе с инфарктом, - заметил Вэньхуа. - Это - то же самое.

Мэйлин не планировала этого ребенка и не была готова к рождению Мэйхуа. Беременность сделала её командировку еще тяжелее, а возвращение к работе - еще проблемнее. Вэньхуа знал, что могло стать причиной, спровоцировавшей развитие симптомов послеродовой депрессии, но не знал, что стоило делать, чтобы помочь Мэйлин.

Он не знал, продолжала ли Мэйлин на него злиться, или сейчас скорее ждала поддержки с его стороны. Она вела себя иррационально, а для него это было особенно сложно - ему нужно было знать, как себя вести. И в другой момент он бы просто обнял Мэйлин, выражая свою поддержку, но после произошедшей ссоры не знал, как она к этому отнесется. Она смотрела в сторону, и он не мог поймать её взгляд.

- Можно, я тебя обниму? - прямо спросил Вэньхуа, решив не искать ответ на этот вопрос эмпирически.

Прежде Мэйлин задавала ему подобные вопросы, казавшиеся ему странными. Но сейчас он хотел показать, что уважает её личное пространство.

Мэйлин Юн

- Это не то же самое, - тихо возразила Мэйлин. Ей все еще казалось, что эти мысли о ненавистности ей периода вынужденного материнства можно как-то контролировать, например, больше работать, чтобы не было времени думать о чем-то постороннем. Когда у человека много свободного времени, он начинает творить всякую ерунду. Слушать сплетни и верить им.

Ребенок - не опухоль и не болезнь, которая случается внезапно. Никто не заставляет любить инфаркт. Более того, ты нормален, если пытаешься всеми силами избавиться от его последствий, не лелея и не взращивая в себе к нему симпатию. Мэйлин училась жить заново, вписывая в свою жизнь ребенка, но не могла заставить себя любить ее или хотя бы испытывать к ней какие-то чувства помимо долга обеспечить удовлетворение всех ее маленьких потребностей. Что-то вроде мы в ответе за тех, кого приручили.

Мэйлин чувствовала себя загнанной в клетку своими же мыслями. Пять минут назад она хотела оказаться где-нибудь далеко отсюда, но когда на горизонте замаячила реальная перспектива это осуществить и уехать туда, где не будет никого из тех, кого она знает, Мэйлин поняла, что боится ехать куда-то без Вэньхуа. И не хочет оставлять его здесь с этой Цао наедине, мало ли до чего могут прийти их отношения. Больше всего она боялась потерять Вэньхуа, не понимая, что своими обвинениями, как выяснилось, совершенно беспочвенными, только делает пропасть между ними еще шире. Теперь она даже не знала, хочет ли, чтобы Вэньхуа ее обнял. Она прислушалась к себе, но ей показалось, что она ничего не слышит, кроме криков мольбы о помощи утопающего внутри нее ее собственного Я.

- Скажи честно, у тебя правда с ней ничего нет? - несчастно спросила Мэйлин, готовая убить себя за этот вопрос, но чувствуя, что ей надо его задать еще раз, чтобы убедиться в этом.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа удивленно посмотрел на Мэйлин. Он уже отвечал на этот вопрос и с тех пор ничего не изменилось. Но он почувствовал, что Мэйлин хотелось услышать ответ снова, и сейчас было не самое подходящее время, чтобы обижаться и проявлять характер в ответ. Просто ответить. И еще десять раз ответить, если ей это было нужно, чтобы услышать.

- У меня правда с ней ничего нет, - спокойно ответил Вэньхуа.

К слову, Цао была не в его вкусе. Слишком много внимания прическе и косметике и слишком мало оставалось для того, чтобы думать головой. Вечный бардак в её мыслях приводил к вечному бардаку в её жизни, что и вылилось в итоге в сегодняшнюю ситуацию. И он не обратил бы на неё внимания как на интересную девушку, даже если бы был свободен. Но Вэньхуа считал, что такие вещи обсуждать неправильно.

- Мэйлин, - он надеялся, что сейчас его все-таки услышат. - Я никогда никому не изменял. Никогда не уходил из одних отношений в другие. У меня никогда не было отношений на одну ночь. Если я говорю, что никогда тебя не предаю, я знаю, что говорю.

Мэйлин Юн

Осталось спросить еще парочку раз, чтобы наверняка заработать репутацию полной дуры. Мэйлин кивнула, все также не глядя на Вэньхуа, потому что было стыдно после всего смотреть ему в глаза. Конфликт сам собой иссяк, но легче ей не стало. Наоборот, стало даже еще хуже, потому что ко всему прибавилось огромное чувство вины.

- Я не верила этим сплетням, - она неуверенно начала оправдываться. - Но когда мне сказали, что ты поехал к ней, я испугалась, что все это правда. Все так поменялось после рождения ребенка, мы меньше времени проводим вместе и даже почти не разговариваем, как раньше. Я подумала, может быть, тебе надоело, что все вот так...

И почему нельзя было сразу вот так спокойно поговорить, а нужно было обязательно устраивать сцены? Мэйлин не знала, с чего ее понесло сразу в ругань, ведь она никогда раньше не стремилась ни с кем конфликтовать, а сегодня как будто специально искала, что не так и в чем его можно обвинить. Может, Вэньхуа был прав, когда сказал, что она просто ищет повод и зацепилась за первое попавшееся? Получается, она сам себе идиот, а Вэньхуа вроде бы и ни при чем?

Мэйлин положила подбородок на согнутые колени, обняла себя руками и уткнулась взглядом прямо перед собой. Наверное, ей действительно надо ходить к психотерапевту, но Мэйлин не представляла себе, как вот это все, что она чувствует, оформит в слова и тем более расскажет кому-то постороннему. Человеку, с которым она работает в одной клинике. Теперь ее очередь пугаться, что ей назначат антидепрессанты и она не сможет оперировать, хотя только что вернулась к практике.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа понял, что мог хотя бы предупредить Мэйлин, когда уехал из клиники, чтобы выяснить, почему Цао не вышла на работу. Тогда у неё было бы меньше поводов верить в сплетни. Но разумные мысли часто приходят поздно.

- Ты права, многое поменялось. Мы поменялись. Сяомими требует много внимания и сил. Мы больше устаем, - сказал Вэньхуа. - Мы не можем вернуть все, как было, нам нужно научиться жить так, как есть. Я тебя люблю. Конечно, я хочу проводить с тобой больше времени, как раньше. Но именно с тобой.

Сяомими была не единственной причиной, почему времени друг на друга было мало. Оба получили повышения, оба влипли в обучение интернов, только Вэньхуа по своей дури, а Мэйлин из-за Ланя, сказывались последствия командировки, Вэньхуа тратил время на психотерапию, которая только закончилась. Многие изменилось слишком резко, и к этому нужно было привыкнуть.

Но главной проблемой было то, что они оба ждали друг от друга поддержки и понимания, и у обоих не хватало ресурсов, чтобы их дать. Поэтому Мэйлин было тяжело справиться с послеродовой депрессией, а Вэньхуа не понимал, как ей помочь. Поэтому он сегодня взбесился, услышав об её подозрениях, когда вернулся домой на нервах. Нужно было найти в себе силы и мудрость, чтобы пережить этот период, не потеряв друг друга.

Мэйлин Юн

Как бы Мэйлин ни хотела, чтобы все было так, как раньше, Вэньхуа был прав - так, как раньше, уже никогда не будет. Потому что они стали другими, появилась Мэйхуа, на работе было больше дел, чем всегда, и нужно было к этому привыкать и учиться жить по-новому.

- Я так жалею, что сохранила беременность, - Мэйлин зажмурилась, когда говорила эти слова. Ей казалось, что именно из-за этого все пошло кувырком, из-за того, что в определенный момент времени она не смогла решиться на аборт. Ей было тяжело признаться вслух, что она бы все сделала по-другому. И в тоже время ей было

некого винить, кроме самой себя. У нее был выбор, даже с учетом всех сроков, а она пошла по пути наименьшего сопротивления. Отчасти она винила в том Вэньхуа, что он не стал ее убеждать, а согласился с любым ее решением. На тот момент Мэйлин думала, что она справится и с ребенком тоже.

Она вытерла влажные глаза, на которые снова набежали слезы, ладонью. Она чувствовала себя виноватой перед Мэйхуа, она не заслужила к себе такого отношения. По сравнению с другими детьми, хотя Мэйлин не было особо с чем сравнивать, она была, что называется, подарочным ребенком. Да, она орала, когда у нее были колики или резались зубы, но в остальном, когда ее ничего не беспокоило, она была очень спокойной. Мэйлин стоило бы заранее понять, что все дети в той или иной степени орут, кто-то больше, а кто-то меньше.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа было тяжело это слышать, к тому же Мэйлин не первый раз говорила, что не любит Мэйхуа, и что решение родить ребенка было неправильным, но он понимал, что должен слушать. Потому что никому другому она бы это говорить не стала. А говорить было нужно, чтобы не сойти с ума наедине с собственными мыслями, которые многие вокруг могли назвать неправильными. Он не стал её отговаривать тогда, в Кандагаре, потому что она сказала, что не может сделать аборт. Сейчас Вэньхуа понимал, что мог попытаться её переспорить, но еще неизвестно, чем бы все закончилось.

- Я не уверен, что ты не стала бы жалеть, приняв другое решение, - сказал Вэньхуа.
- И сейчас все равно нельзя уже решить иначе. Ты имеешь право на свои чувства, но я думаю, что со временем ты сможешь согласиться с тем, что сохранила беременность.

Он не был ярым защитником прав эмбрионов и считал, что аборт в той ситуации был рациональным решением. Но время нельзя было отмотать назад, в идеале на тот вечер, когда он не остановился, зная, что Мэйлин не пила таблетки. Теперь Сяомимим уже родилась, и их жизнь уже сильно зависела от неё. Вэньхуа любил дочь, но ему было тяжело видеть, что происходило с его женой. Он надеялся, что со временем все встанет на свои места, но пока Мэйлин жалела о принятом решении и открыто говорила, что не чувствует любви к дочери. И от этого ей было плохо.

Мэйлин Юн

Да, верно, сейчас уже нельзя ничего изменить. Остается только корить себя и не есть мозги окружающим, потому что никому от этого не будет легче. Она пыталась справиться с разъедающим чувством вины, но понимала, что делать это будет ой как непросто. Все равно, что делать попытки улыбаться, когда внутри творится настоящий хаос.

- Может быть, со временем, - согласилась Мэйлин. Она не оставляла надежды, что когда-нибудь она сможет сказать, что чувствует к дочери хотя бы привязанность, но пока это казалось маловероятным. Хотя как раз ей казалось, что уж жалеть об аборте она бы точно не стала. У нее была бы еще тысяча возможностей завести ребенка, реши она это сделать, а она выбрала для этого самый неподходящий момент.

- Ты, наверное, устал после смены, - помолчав, сказала она. Вэньхуа задержался, устал, вряд ли успел перехватить что-то на работе, а сейчас ему приходилось сидеть рядом с ней и выслушивать вещи, которые никогда не придут в голову нормальному человеку. - Не обязательно сидеть со мной. Я не буду глотать таблетки, резать вены или что-то в этом роде.

Она не считала это выходом из ситуации. В ее характере было скорее терпеть и ждать, пока все наладится, чем быть готовой к таким радикальным методам решения проблем. К тому же Мэйлин слишком хорошо знала цену человеческой жизни, которую так просто отнять, чтобы разбрасываться этим драгоценным ресурсом. Да и кому, опять же, от ее поступка станет проще? Ей самой? Ей самой уже будет все равно.

Дин Вэньхуа

Мэйлин не стало легче, она просто закрылась, отмахнувшись от разговора. И Вэньхуа оставил без внимания её слова про вены и таблетки, иначе затихший конфликт грозил выйти на новый уровень. Он разговаривал с Мэйлин не из-за того, что боялся, что она с собой что-то сделает, она, в отличие от некоторых юных коллег, была разумной. Он хотел, чтобы ей стало легче, но понял, что не может найти для этого слов. И не был уверен, что такие слова вообще есть.

- Ты ужинала? - спросил Вэньхуа.

Он встал с пола, затем вымыл руки и поставил чайник. Вэньхуа не успел пообедать, только между операциями съел пару сандвичей с кофе. Мэйлин еще легче забывала о том, что людям нужно есть, и он был почти уверен, что она в лучшем случае пообедала в клинике, и это было давно.

- Я хочу сидеть с тобой, - сказал Вэньхуа. - Почему ты меня отталкиваешь?

Он уже видел, что рационального разговора у них не получалось. У Мэйлин накопились эмоции, которые отравляли ей жизнь, и которые должны были быть высказаны. Он не мог предугадать, что и почему она ответит, но чувствовал, что пока этот разговор просто заходил в тупик.

Мэйлин Юн

- Нет, - ответила Мэйлин. Она не стала говорить, что сразу же получила на руки ноющую дочь, и ей было просто некогда поесть, потому что стоило только положить ребенка в кровать, как та сразу переходила на визг. Сейчас Мэйлин не чувствовала голода, впрочем, как и всегда, и обычно она просто уступала Вэньхуа, когда он пытался ее накормить, но в этот раз Мэйлин решила настоять на своем. Может быть, тогда уйдут эти ненавистные лишние сантиметры с талии и бедер. - Я не хочу.

Вряд ли он останется доволен ее решением, но какая уже, в сущности, разница.

- Я не хочу добавлять тебе проблем, у тебя и на работе их хватает, - сказала Мэйлин. Она уже один раз попыталась высказать все, что чувствует, и что из этого вышло? Они чуть не поругались, и Мэйлин не была уверена, что повторная попытка

не приведет к тому же результату. А у него эта ситуация с Цао и вечное противостояние с Чжаном, будет довольно эгоистично заставлять Вэньхуа искать выход из тупика, в который она себя загнала. Все действительно очень изменилось. И она очень льстила себе, когда пыталась убедиться, что в их отношениях все было хорошо. Все было вовсе не хорошо. - А если каждая наша попытка поговорить приводит к ссоре, может, лучше молчать?

Она уже задумывалась о том, что, возможно, им нужно решать свои проблемы изолировано, раз они и так стараются друг друга не грузить. Сэкономят кучу нервов.

Дин Вэньхуа

Он не стал уговаривать Мэйлин, когда она сказала, что не будет есть. В этой ситуации это было единственным верным вариантом показать, что он уважает её личное пространство.

- Молчание тем более не решает проблемы, - сказал Вэньхуа.

Он достал из холодильника лоток с рисом с креветками, выложил часть в миску и поставил её в микроволновку, затем насыпал в заварочный чайник улун и положил на стол палочки.

- Однажды я сказал Мину дайфу, что ты за меня волнуешься, и мне кажется, что тебе будет лучше без меня, - признался Вэньхуа. - Тогда он спросил, стало бы мне легче, если бы я волновался из-за твоих проблем, а ты сказала, что нам лучше расстаться, чтобы я не волновался. Только тогда я понял, как абсурдно звучали мои слова.

Чайник закипел. Вэньхуа залил чайные листья кипятком, слил первую заварку, затем вновь налил воду в глиняный чайник, который отнес на стол. Он достал из микроволновки разогревшийся рис, затем подошел к сушилке для посуды, чтобы достать чашку.

- Чай тоже не будешь? - уточнил он у Мэйлин.

Мэйлин Юн

Или не создает новых. Или, наоборот, молчание, как сегодня, порождает недоверие. Никогда не угадаешь, как получится, и в какой ситуации будет лучше молчать, а в какой - говорить, чтобы все решилось. Пока Мэйлин казалось, что ей нужно молчать, потому что она не могла разобраться сама в себе. А если она начнет говорить все это вслух, получится ужасная каша из всех тех неоформленных мыслей, что сейчас роятся в ее голове. Поэтому она промолчала в очередной раз, решив не комментировать слова Вэньхуа.

Она покачала головой на предложение о чае, хотя первым порывом ее было согласиться просто для того, чтобы занять чем-то руки. Мэйлин поймала себя на том, что заламывает пальцы правой ладони и одернула себя, прекратив эту старую привычку. Она думала о том, будет ли ей легче без Вэньхуа. Вряд ли. Мэйлин его любила и очень боялась потерять, но иногда ей начинало казаться, что они друг друга не понимают. Для Вэньхуа было важно отстоять свое мнение, как единственно

верное, для Мэйлин было просто важно быть рядом с ним, независимо от того, права она или нет, и она часто уступала, не желая ссориться. Вэньхуа это устраивало, ее - в некоторой степени тоже, и в итоге в их отношениях царили мир и вроде бы как гармония.

- Ты всегда все решаешь за других. Разве это не я должна решать, будет мне лучше или хуже без тебя? - тихо спросила Мэйлин, опасаясь, что этим может спровоцировать очередную вспышку ссоры. Она все еще не поднималась с пола, прижимаясь спиной к теплой решетке, и было в этом положении что-то очень успокаивающее. Как будто она боялась потерять свою опору.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа взял одну чашку и сел за стол. Он налил себе успевший завариться чай и начал есть рис, пока Мэйлин молчала. Но, услышав её слова, замер и задумался. Чуть было не ответил: "а что, лучше без?", но понял, что это прозвучит грубо и зря. Они как будто говорили на разных языках, и каждый слышал то, что хотел услышать, или что боялся услышать. Вэньхуа боялся, что Мэйлин предложит расстаться. Это был его главный страх этим вечером, чуть стихавший, когда он мог просто слушать, и возникавший вновь, когда Мэйлин высказывала ему новые обвинения. Он надеялся, что его признание сейчас позволит хоть в чем-то преодолеть тотальное непонимание этого вечера, а вместо этого снова усилило пропасть. Он растерялся.

- Я не это имел в виду, - ответил Вэньхуа. - Я хотел сказать, что когда ты сказала, что не хочешь добавлять мне проблем, обсуждая свои, мне это напомнило мои мысли о том, что тебе будет легче без меня и моих проблем. Неправильность которых я понял, благодаря Мину дайфу.

Сейчас разговор создавал ощущение, что он ходит по очень тонкому льду, не зная, в какой момент Мэйлин снова услышат не то, что он хочет сказать, а то, что она не хочет слышать. Как будто она старалась доказать свои слова о том, что их разговоры неизбежно вели к ссорам.

Мэйлин Юн

Мэйлин нахмурилась, стараясь понять то, что пытался до нее донести Вэньхуа. Он сказал, что имеет в виду совсем не то, что она услышала. Но она услышала то, что было для нее важно, но для Вэньхуа было важно совсем другое. Вот, опять, они словно говорили на разных языках.

- Я поняла, что ты хотел сказать, - ответила Мэйлин. - Но тогда я не понимаю тебя. Разве не ты с самого начала сказал, что не хочешь грузить меня своими проблемами с Цао?

У Мэйлин не было опыта длительных отношений. У нее, на то пошло, вообще не было опыта отношений до Вэньхуа. Она всегда знала, что это будет тяжело, а Вэньхуа убеждал ее, что они смогут со всем справиться, потому что умеют слушать друг друга. Но слушать - мало, нужно еще уметь слышать, а с этим, кажется, вышли какие-то сложности. Они слушали, но не слышали.

Если следовать логике Вэньхуа, то его проблемы - это его проблемы, а ее проблемы - это их проблемы. Это казалось Мэйлин неправильным. В отношениях все должно быть равноценно, разве нет? Разве кто-то должен отдавать больше, а получать меньше? А еще, если опять же пытаться извлечь из его же слов смысл, то он все же допускал мысли о том, что им лучше будет без друг друга решать свои проблемы исключительно из желания не доставлять друг другу неудобств. К слову, Мэйлин до такого бы не додумалась. Она бы продолжала молча страдать и пытаться решать все сама, но так, чтобы он ни о чем не догадался и, следовательно, не волновался.

Дин Вэньхуа

- Я не понимаю, что происходит, но у меня такое чувство, что мы говорим не друг с другом, а каждый сам с собой, - сказал Вэньхуа. - И друг друга не слышим.

Он знал, что часто пытался убедить Мэйлин в своей правоте. Что часто не слышал окружающих, что вел себя слишком эгоистично, и что считал верным лишь свое мнение. Знал и все чаще пытался себя на этом ловить. Сейчас ему казалось, что он как раз пытался услышать Мэйлин, но терял логику в её рассуждениях и никак не мог понять, что он должен сделать, чтобы не быть кругом виноватым.

- Я ответил на твой вопрос, почему не рассказал тебе, что Цао укололась иглой, - стал объяснять Вэньхуа. - Да, не хотел грузить. Но это не то же самое, как когда ты говоришь мне, что нам лучше было бы никогда не встречаться, потому что ты жалеешь, что родила нашу дочь. После чего говоришь, что нам лучше не разговаривать, чтобы не ссориться.

Он считал, что разница между этими проблемами очевидна. И если Мэйлин могла не иметь никакого мнения по поводу происшествия с Цао, он не мог не быть вовлечен в те проблемы, что сейчас не могла решить для себя Мэйлин. Даже если отбросить такой важный аспект, как то, что ему было куда меньше дела до Цао, чем Мэйлин до её переживаний, связанных с неприятием Сяомими.

Мэйлин Юн

У нее тоже было такое чувство. Она снова замолчала и отвела взгляд она не понимала, чего хочет Вэньхуа. Что ей нужно сказать? Ей казалось, что он опять пытается ее в чем-то убедить, например, в том, что это она отказывается его слушать, слышать и понимать. Или в том, что она обращает внимание не на то, что он говорит, а на свои эмоции и потекает им.

- Для меня это тоже самое, - сказала она. - Твои проблемы делают плохо тебе, мои - мне. Для меня не так важно, что это за проблемы, для меня важно, что нам обоим от них плохо. Ты понимаешь? Я не пытаюсь разложить их логично по полочкам и сравнивать, какая из них больше или меньше. Для меня они равнозначны, потому что у них у всех есть общее - они заставляют нас чувствовать себя нехорошо.

Они просто по разному чувствовали, и Мэйлин не знала от этого лекарства. Она не могла жить одной строгой логикой, разбирая все до основания, чтобы изучить изнутри, а Вэньхуа не мог руководствоваться только эмоциями и чувствами, как это дедала Мэйлин, во много часто поступая больше интуитивно, чем основываясь строгими законами здравого смысла и логики.

- Я не понимаю тебя, Вэньхуа, - наконец несчастно произнесла Мэйлин. - Я не понимаю, что ты хочешь от меня услышать? Что у меня проблемы, которые я не могу решить самостоятельно? Я признаю это. Или чтобы я позволила тебе решать их? Я пытаюсь объяснить тебе то, что важно для меня, но ты, как мне кажется, не считаешь это важным и злишься, что я не понимаю твоей логики. Что мне сделать, чтобы говорить с тобой на одном языке?

Дин Вэньхуа

Вэньхуа не знал, как решить проблемы, беспокоившие Мэйлин, и тем более не хотел ни в чем ее убеждать. Но она этого не понимала и по привычке ждала, что он будет пытаться ее переспорить. В этом была его вина, потому что их разговоры прежде часто строились именно по такому сценарию.

- Я ни в чем не пытаюсь тебя убедить, - сказал Вэньхуа. - Я сегодня слышу от тебя только обвинения. Что якобы у меня что-то с Цао, потом что сразу все не рассказал, потом что вообще стал с тобой встречаться, сейчас что стараюсь тебя переспорить. Я весь вечер оправдываюсь и прошу меня не отталкивать, а ты говоришь, чтобы я шёл отдыхать, потому что ничего с собой не сделаешь.

Он старался подбирать слова, чтобы не казалось, что он нападает или пытается давить, но уже сомневался, что это у него получалось.

- Я просто хочу обнять тебя, сидеть, молчать и чувствовать, что все ещё тебе нужен, - сказал Вэньхуа.

Он устал от этого бессмысленного и бесконечного спора, который перестал понимать с того момента, как Мэйлин в очередной раз спросила, точно ли у него не было ничего с Цао. И он не понимал, чего от него сейчас добивалась Мэйлин.

Мэйлин Юн

- Я пытаюсь показать тебе, что все, что я тебе говорю, для меня важно. Мне важно, чтобы у тебя с Цао ничего не было и мне важно, чтобы ты мне все рассказывал, но ты видишь в этом обвинения. Вэньхуа, я не могу залезть в твою голову, а ты не можешь залезть в мою. Но я уже правда не знаю, как дать тебе понять, что пытаюсь говорить об этих проблемах, чтобы о них не молчать, но выходит все наперекосяк, - она уже готова была снова расплакаться от бессилия. Разговор заходил в тупик, как и и дальнейшие отношения, и Мэйлин не знала, как ей поступать и что говорить, чтобы не сделать еще хуже, чем сейчас. А все к тому и шло.

- Тогда обними, сиди, молчи и чувствуй, - согласилась она. То он говорит, что не надо молчать, то сейчас - что хочет молчать. Она совсем перестала пытаться найти хоть какую-то последовательность в словах Вэньхуа. - Я люблю тебя, но мне сложно и я запуталась в самой себе. Ты мне нужен, я боюсь тебя потерять, и мне страшно, что сейчас этим разговором мы делаем только хуже.

Вот к чему приводят попытки просто поговорить. Ей казалось, что все начало налаживаться, когда она стала говорить о своих сожалениях по поводу беременности, она даже согласилась, что когда-нибудь, может быть, даже сможет

полюбить их дочь, но потом Вэньхуа воспринял ее неуклюжую заботу как повод от него отделаться, и с этого момента все снова пошло не так.

- Я не хотела тебя отталкивать, я хотела проявить заботу, - с отчаянием добавила Мэйлин. - Но у меня не получилось сделать это нормально.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа казалось, что первый же вопрос, с которого начался их сегодняшний непростой разговор, никак не был похож на то, что Мэйлин хотела просто все обсудить, а не его обвинять. И, вероятно, вызванная этим вопросом обида не давала ему объективно воспринимать дальнейший разговор, зашедший в тупик. Например, когда Мэйлин, как ей казалось, проявила заботу, сказав, что он может идти отдыхать, он услышал в её словах о том, что она не собирается ничего с собой делать, прямое сравнение с Цао. Мол, ты, конечно, дважды сказал, что ничего у вас нет, но, в отличие от твоей Цао, я таблетки глотать не буду. И в этом искаженном восприятии слов Мэйлин последнее, что он мог заметить - это заботу о нем. При этом Вэньхуа понимал, что сказать все это вслух означало возобновить разборки, а не договориться. Потому что пока договориться они не могли. Вэньхуа встал из-за стола, подошел к Мэйлин и сел на пол возле неё, после чего обнял девушку за талию и коснулся губами её волос.

- Ты права, я устал. Ты тоже устала, - сказал он.

Хотел признаться, что разозлился, когда услышал вопрос о Цао, но промолчал, чтобы не подливать масла в огонь. Слова сегодня заводили в тупик, а не позволяли что-то решить и как-то друг друга понять. Они оказывались лишними. Цепляясь друг за друга, эти слова выстраивались в бессмысленный диалог, лишь углублявший пропасть, превращаясь в спор ради спора, потому что ни Вэньхуа, ни Мэйлин в этот раз не могли сказать друг другу ничего, в чем нашли бы точки соприкосновения.

- Я тоже тебя люблю. Я вижу, что тебе сложно, и не знаю, как тебе помочь. Ты мне нужна, я тоже боюсь тебя потерять, и мне тоже страшно, что сейчас этим разговором мы делаем только хуже, - сказал Вэньхуа.

Мэйлин Юн

Мэйлин прижалась щекой к плечу Вэньхуа и закрыла глаза. Вопросы, что делать и что будет дальше, копились в ней, словно огромный снежный ком, но сейчас было не время это обсуждать, чтобы не разрушить тот хрупкий мир, который сейчас мог между ними установиться.

- Прости меня, - она не стала уточнять, за что именно. Надеялась, что Вэньхуа поймет, что за все сразу. И особенно за то, что поддалась влиянию сплетен и допустила мысль, что он действительно мог ее предать. Именно этого она боялась больше всего, и потому предположила сразу самое худшее. За то, что вообще начала этот разговор, обернувшийся катастрофой. За то, что не могла его понять и воспринимала в штыки все слова. Что под влиянием эмоций наговорила ему страшных и неприятных вещей, которые до сих пор висели между ними. - Мне просто нужно время разобраться в себе.

Она не знала, как он может ей помочь. Мэйлин мучилась от послеродовой депрессии, и осознавала это, но попадала в капкан из-за своего нежелания говорить об этом с психотерапевтом. Она разучилась доверять людям, и боялась открываться, потому что потом всегда бывает больно. И не получалось Мина дайфу или какого то другого теоретического психиатра воспринимать исключительно как врача, которому она может изложить четко и по делу беспокоящие ее симптомы. Это не просто описать характер болей в груди или частоту головокружений, это нечто более сложное.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа крепче обнял Мэйлин и лишь кивнул в ответ на её извинения. Он понимал, что со временем ей должно было стать легче, но хотел, чтобы нашелся способ помочь ей быстрее. Отвлечься, отдохнуть, поверить в себя, не видеть в рождении Сяомими трагический конец прошлой жизни.

- Даже если я не знаю способа тебе помочь, я рядом и никогда тебя не предаю, - сказал Вэньхуа. - Пожалуйста, не сомневайся в этом.

Обсуждая с Мином дайфу те ценности, которые были для него важны, и в которых он мог и должен был находить силы, Вэньхуа на первое место ставил семью. Сейчас семья не давала ему ощущения опоры, сейчас он сам должен был создать это ощущение для Мэйлин. Чтобы она чувствовала, что всегда может на него положиться, как чувствовал он, заблудившись в собственных страхах и ночных кошмарах. Когда он не был уверен, что сможет продолжить практику, и что его собственный разум его не подводит. Мэйлин смогла дать ему это почувствовать. А он, судя по всему, не мог. И чувствовал себя за это виноватым перед ней.
